

ДИСКУССИИ О СПРАВЕДЛИВОМ МИРОПОРЯДКЕ В ТУРЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ПОПЫТОК ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В 2000-е ГОДЫ

Павел Вячеславович Шлыков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Заявлено к публикации:</i> 25 ноября 2018 <i>Поступила в редакцию:</i> 25 ноября 2019 <i>Принята к печати:</i> 4 декабря 2019	Аннотация: Перипетии международных трансформаций, которые Ближний Восток пережил в XX и начале XXI века, фактически превратили его в регион без регионального порядка. Характерная для Ближнего Востока на протяжении всей его новейшей истории полицентричность в начале этого века имела своей главной производной многообразие различных видений регионального порядка, которых придерживались региональные державы и глобальные игроки, глубоко вовлеченные в ближневосточные дела. Парадокс такой ситуации заключался в том, что ни у одной из держав не хватало военно-политического и культурно-идеологического потенциала, чтобы реализовать свой проект регионального порядка или навязать его другим. В данном контексте в указанный период внешнеполитическая стратегия Турции претерпела существенные изменения. На рубеже веков она все еще оставалась державой <i>status quo</i>, ориентированной на Запад и придерживавшейся позиции невмешательства в дела региона. Однако возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг. сделала внешнеполитический курс Анкары гораздо более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, а приход к власти Партии справедливости и развития внес во внутривосточный и внешнеполитический дискурс сильный исламский элемент. В результате лейтмотивом первого десятилетия этого века в турецком дискурсе о региональном порядке стали идеи конвергенции либеральных и исламских ценностей. Однако с началом «Арабской весны» и новой волны дестабилизации Ближнего Востока возможности Турции в построении такого порядка и продуцировании его ценностных ориентаций стали стремительно сокращаться. Результатом реакции на региональную турбулентность стала «перезагрузка» внешней политики Турции в духе нового турецкого концепта «морального реализма», призванного показать причудливое сочетание милитаризма и гуманизма.
Об авторе: к.и.н., доцент, кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	<i>Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз», проект №17-18-01614</i>
Ключевые слова: Ближний Восток; Турция; региональный порядок; моральный реализм; справедливый мир; внешняя политика; межцивилизационный диалог	

Реймонд Хиннебуш, автор одной из наиболее фундаментальных работ по международным отношениям на Ближнем Востоке, изданных за последние годы, отмечает, что «исторически Ближний Восток оказался регионом, глубоко разделенным системой международных отношений, установившейся после Первой мировой войны»¹. Другой автор – Карл Браун говорит о Ближнем Вос-

токе в континууме XX в. как о «регионе, ставшем жертвой вторжения либерального миропорядка»². Во время Первой мировой войны арабские провинции Османской империи восстали против османских властей, воодушевленные обещаниями Великобритании шерифу Мекки Хусейну бен Али (соглашение Мак-Магона-Хусейна 1915 г.) создать после войны независимое государство,

¹ Hinnebusch, Raymond A. The International Politics of the Middle East. New York: Manchester University Press, 2003. P. 1.

² Brown, Leon Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton: Princeton University Press, 1984. Pp. 16-18.

которое охватит все арабские страны Азии. Сначала эти обещания были перечеркнуты секретным договором Сайкса-Пико 1916 г., предполагавшим совершенно иную конфигурацию послевоенного Ближнего Востока, а затем окончательно дезавуированы в ходе Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Территории обещанного арабам «единого государства» фактически оказались поделенными между Великобританией и Францией. Разочарование в обещаниях западных стран наступило и у курдов, поскольку все звучавшие во время войны слова о создании независимого курдского государства оказались пустым звуком. Аналогичной была судьба Египта и других стран Магриба³.

Еще одним предательством для арабов стала «Декларация Бальфура» (1917), провозгласившая идею создания на территории бывшей османской Палестины еврейского «национального очага»⁴. Иными словами, и Османская империя в целом и желавшие отделиться от нее арабские провинции оказались в числе проигравших от созданного западными державами нового регионального порядка на Ближнем Востоке. При этом кемалисты, вступившие в борьбу за сохранения ядра турецкого государства в Малой Азии и освобождения турецких территорий от интервентов (Греции, Великобритании и др.), иначе смотрели на новый миропорядок, считая своей главной задачей стать его полноправной частью. Парадоксальным образом турецкая Освободительная война 1919-1922 гг. одновременно велась против Запада и притязаний на турецкие территории со стороны Греции, Великобритании и других стран и за признание Западом кемалистской Турции как самостоятельного государства и субъекта западного миропорядка⁵, что, как представлялось кемалистам,

должно было обеспечить поступательное развитие «новой Турции» как современного государства-нации.

Общим итогом послевоенного переустройства Ближнего Востока стало то, что на место несправедливого порядка, который до войны выстраивала вокруг себя и своих интересов Османская империя, пришел другой, в рамках которого роль доминирующей и детерминирующей силы стал играть Запад. Для большинства такая «замена османского империализма европейским»⁶ мало что меняла по сути. Турция как часть Ближнего Востока пыталась адаптироваться к такому положению вещей, несмотря на его несоответствие ее коренным интересам.

Для внешней политики Турции с ранне-республиканского периода был характерен набор неизменных принципов, приверженность которым формально сохраняется и поныне. Речь идет о верности кемалистской формуле «мир внутри страны, мир во всем мире»⁷, следование нормам международного права и справедливости, невмешательство во внутренние дела третьих стран и признание равноправия всех стран в мировой системе.

В период «холодной войны» и вплоть до конца 1990-х гг. приоритетом Турции во внешней политике было поддержание *status quo*. Турция не демонстрировала большого интереса к вопросам регионального поряд-

Turtsii. XX vek. (History of Turkey in the 20th Century) Moscow: IV RAN, Kraft+, 2007.]

⁶ Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

⁷ Впервые эта фраза прозвучала в выступлении Мустафы Кемаля (Ататюрка) в 1931 г. во время его поездки по Анатолии. Так он сформулировал суть политики Народно-республиканской партии [Atatürk M.K. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri. Cilt IV. Atatürk'ün Tamim, Telgraf ve Beyannameleri (1917-1938). Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 1991, s. 549-552]. Впоследствии эта сентенция вошла в текст Конституции Турецкой Республики и до сих пор фигурирует в официальной концепции внешней политики Турции, опубликованной на сайте МИДа [Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dış İşleri Bakanlığı. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa>]

³ См.: Барановский В.Г., Наумкин В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: ИВ РАН, 2018. [Baranovskij, V.G., Naumkin, V.V. Blizhnij Vostok v menjajushhemsja global'nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Moscow: IV RAN, 2018.]

⁴ Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015. P. 95.

⁵ Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Kraft+, 2007. [Kireev, N.G. Istoriia

ка и старалась воздерживаться от прямого и даже косвенного участия в международных конфликтах, предпочитая фокусироваться на национальных интересах в их достаточно узкой трактовке и заботиться исключительно о собственной безопасности⁸. Редкие примеры, когда Анкара выходила за рамки принципа «благородного невмешательства» включали отправку военного контингента в Корею в составе сил ООН в 1950 г. и вторжение на Кипр в 1974 г., именуемое в официальной турецкой историографии «операцией по поддержанию мира». В этот же ряд можно поставить непродолжительную посредническую миссию Турции в проведении переговоров между Тегераном и Багдадом в 1980-е гг. во время ирано-иракской войны⁹. Иными словами, вплоть до конца 1990-х гг. Турция, опираясь на принципы традиционного реализма, не генерировала своего альтернативного видения регионального порядка и внешнеполитических концепций, которые выходили бы за рамки существующих норм международного права и принципов, сформулированных в рамках ООН и других международных организаций. При этом в своей внешней и внутренней политике Турция отнюдь не всегда следовала универсальным западным ценностям защиты прав человека, демократии, свободы и верховенства права, особенно в моменты обострения внутриполитической напряженности и прихода к власти военных (неслучайно Турцию несколько раз временно исключали из ряда международных организаций¹⁰).

Ситуация изменилась в конце 1990-х гг. с признанием Турции страной-кандидатом ЕС на Хельсинском саммите (1999). Это событие ознаменовало начало масштабных реформ по европеизации турецкого законо-

дательства, приведения административно-политической системы в соответствие с нормами и правилами ЕС. Напрямую это отразилось и на внешнеполитической доктрине, для которой первоочередное значение получило следование европейским нормам и ценностям¹¹. Однако специфика внутриполитического процесса в Турции, изменение внешнеполитической конъюнктуры после терактов 11 сентября 2001 г. и быстрая стагнация политической интеграции Турции в общеевропейское пространство (формально – из-за «кипрской проблемы», фактически – по целому ряду политико-идеологических и экономических причин) привели к тому, что в полной мере внедрение нормативно-ценностной матрицы ЕС во внешнюю политику, по крайней мере, на институциональном уровне, оказалось не реализованным и трудно осуществимым¹². Кроме того, приход к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. и повышенное внимание к Турции как уникальному примеру мусульманской демократической страны, стремящей в ЕС, способствовало росту потенциала «мягкой силы» Турции¹³, вызывала симпатии к ней как в регионе, так и на Западе. В результате, неуступчивость переговорной позиции Брюсселя по принципиальным вопросам, стала причиной резкой публичной критики в Турции, основным тезисом которой было обвинение ЕС в использовании двойных стандартов¹⁴.

¹¹ Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

¹² Бабынина Л.О. и др. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей редакцией Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. [Babynina, L.O. et al. Evropejskij Sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost' (European Union in Search for Global Role: Polity, Economy, Security). Moscow: Ves' mir, 2015.]

¹³ Oğuzlu, Tarık. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

¹⁴ См.: Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. 2013. № 1. С. 58-75.

Критика двойных стандартов Запада в международных отношениях способствовала тому, что идеологи ПСР стали выдвигать свое видение справедливого регионального порядка и предлагать альтернативную матрицу ценностей для его построения на региональном и глобальном уровне.

Отталкиваясь от представленных выше соображений о точках бифуркации в эволюции внешнеполитической концепции и практики Турции и региональном контексте ее реализации в статье в сравнительно-историческом плане анализируется трансформация внешней политики Турции в течение первых двух десятилетий этого века.

Концепт справедливости и «новая внешняя политика» Турции на рубеже XX-XXI вв.

С окончанием «холодной войны» и утратой Турцией роли форпоста НАТО на границах Советского Союза подходы Анкары к международным отношениям изменились. Новая международно-политическая конъюнктура требовала от Турции более активной внешней политики на региональном уровне. Поэтому, несмотря на финансово-экономические проблемы, обострившиеся к середине 1990-х гг., во внешнеполитическом курсе Турции четко обозначилась тенденция нарастающего интереса к проблемам глобального управления, урегулирования международных конфликтов и миротворческой деятельности. Активность на этом направлении воспринималась как естественная и необходимая для утверждения Турции в качестве региональной державы. Так, в 1990-е гг. Турция подключилась к урегулированию гуманитарных кризисов и участию в миротворческих операциях в Сомали, Боснии, Косово и др.¹⁵

[Shlykov, P.V. Kuda Idet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya [Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of Pro-Western Course of Development] // *Sovremennaya Evropa*, 2013, No. 1, pp. 58-75.]

¹⁵ Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // *Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era*. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.

Пионером в продвижении идеи справедливого регионального порядка среди турецких политиков можно считать Неджметтина Эрбакана – лидера первого в стране легального исламистского движения «Национального взгляда». Предвыборный манифест его Партии Благоденствия, победившей на парламентских выборах 1995 г., содержал в себе идеи альтернативной внешней политики, которая одновременно должна была сочетаться с текущими национальными интересами и приверженностью исламским ценностям. Одна из программных работ Эрбакана даже называлась «Справедливый порядок», речь в ней, правда, шла прежде всего об исламской модели экономической развития, которую необходимо было, с точки зрения автора, внедрить в Турцию.

Неджметтин Эрбакан, возглавивший коалиционное правительство 1996-1997 гг., считал внешнюю политику одной из шести сфер, где требовалось провести кардинальные изменения. Контуры этой нереализованной инициативы были обозначены в партийном манифесте. Главная идея заключалась в том, что Турция должна проводить независимую внешнюю политику, а не идти на поводу у Запада, что будет залогом становления ее как лидера на международной арене. Базовыми ценностями внешней политики провозглашались добрососедство, мир и справедливость, поэтому одной из приоритетных задач должно было стать улучшение отношений со всеми странами. При этом уточнялось, что Турции как мусульманской стране уготована роль одного из лидеров будущего Союза мусульманских государств.

Исламская идентичность во внешнеполитическом дискурсе проявлялась в нарочито антизападной риторике: Эрбакан называл ЕС «христианским клубом», с которым можно развивать только экономические отношения, при этом заключенный с ЕС договор о таможенном союзе объявлялся нелегитимным и несоответствующим интересам Турции¹⁶. Среди

¹⁶ Refah Partisi 24 Aralık 1995 Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara, 1995, s. 29. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/763/199601072-1995.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

первоочередных внешнеполитических шагов значилось противодействие дальнейшему проведению операции США против Ирака «Утешение», поскольку, по мнению турок, она способствовала усилению иракских курдов и не давало возможность Турции проводить антитеррористические операции¹⁷. В партийной программе-манифесте основные черты внешнеполитического курса Турции конца 1980-х – начала 1990х гг. клеймились как «поддельные», поскольку в них усматривалось не следование национальным интересам, а подыгрывание Западу. Предлагаемый Эрбаканом справедливый порядок (*Adil Düzen*) включал в себя создание Союза исламских государств как всеобъемлющее решение стоящих перед страной проблем как внутренних, так и внешних, включая и проблему терроризма. Это также предполагало создание исламских альтернатив ведущих международных организаций: вместо МВФ, ЕС и др. аналогичных структур, резко критикуемых Эрбаканом как сосредоточение пороков капиталистической системы, основанной на меркантильных интересах, а не справедливости, должен был быть создан Исламский общий рынок¹⁸, исламские альтернативы должны также появиться у НАТО, ООН, ЮНИСЕФ и т. д. Независимость и самостоятельность национальной экономики должны стать залогом выхода из финансового кризиса и будущего процветания, которое сможет опереться на помощь турецких мигрантов, работающих за границей и финансовую поддержку мусульманских стран¹⁹. При этом политика вестернизации и прозападный курс в це-

лом объявлялись главными источниками национальных бед и проблем²⁰.

Реализовать на практике большинство провозглашенных в программных работах Эрбакана принципов и идей коалиционному правительству Партии благоденствия и Партии верного пути не удалось в силу очень непродолжительного времени пребывания у власти и активного противодействия сторонников кемализма (кабинет Эрбакана продержался всего год и был распущен под давлением военной элиты, что вошло в историографию как «пост-модернистский переворот» 1997 г.²¹). Помимо исторического турне Эрбакана по мусульманским странам Азии и Африки, примечательного, по сути, только символичностью визитов в такие страны как Иран и Ливия, наиболее значимым достижением правительства Эрбакана в воплощении идеи справедливого порядка стал проект создания альтернативы G7/G8 – большой «восьмерки развивающихся мусульманских стран» (M8 или D8 – “*Developing Eight*”) ²², куда вошли Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Малайзия, Нигерия, Пакистан и Турция. Учредительный съезд D8 состоялся в Стамбуле 15 июня 1997 г. – ровно за две недели до отставки Эрбакана.

Центром внимания дискуссии о справедливом международном порядке в Турции в 2000-е гг. стала концепция «нравственной внешней политики», для которой первоочередная цель заключалась в построении «справедливого порядка на региональном и глобальном уровнях»²³. Базовыми составляющими этой «нравственной» политики должны были стать шесть элементов.

В качестве первого элемента постулировалось уважение к нормам международного права как матрице отношений между государствами и международными организациями. Соответственно такой подход исключал

¹⁷ Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

¹⁸ Erbakan, Necmettin. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

¹⁹ Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

²⁰ Sayarı, Sabri. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol. 3, No. 3, pp. 35-43.

²¹ Donat, Yavuz. Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat. İstanbul: Bilgi, 1999.

²² См.: D-8 Organization for Economic Cooperation. Mode of access: <http://developing8.org/>

²³ Davutoğlu, Ahmet. Turkey's Mediation // *Middle East Policy*. Vol. 20, No. 1 (2013), pp. 83-90

возможность нелегитимного использования силы как инструмента внешней политики, требовал отказа от конфронтации с соседними странами в пользу поиска компромисса взаимных интересов и сотрудничества. Примат мирных методов урегулирования разногласий между государствами должен был стать индикатором приверженности принципам справедливости в международных отношениях, соответственно государство, придерживающееся «нравственной внешней политики», должно было противостоять незаконному применению силы в отношении других и не может позволить использовать свою территорию для военной агрессии против третьих стран. Второй элемент заключался в активном нормотворчестве в международных организациях, нацеленном на расширение политических, экономических и социально-культурных возможностей для бедных и неблагополучных стран, а также государств, оказавшихся в тисках социально-экономического кризиса. Третьим элементом стала приверженность базовым ценностям демократии, прав человека, политической транспарентности и законности как внутри страны, так и в межгосударственных отношениях. Четвертым – благородство целей внешней политики и методов их достижения, то есть отказ от примата следования исключительно национальным интересам в пользу разделения бремени глобальных проблем и участия в их решении от экономического неравенства до распространения ядерного оружия и изменения климата. Также это предполагало поддержку принципа справедливого представительства разных стран в ключевых международных организациях. В качестве пятого элемента рассматривалась предсказуемая внешняя политика, коррелирующая с ситуацией внутри страны и не приемлющая двойных стандартов, отсутствие избирательности в осуждении насилия или нарушений демократических прав и свобод. Шестым элементом считалось противодействие западноцентризму как военно-политической и экономической гегемонии Запада в мировой политике и его «дискурсивного доминирования» в теории международных отношений, то есть проявлениям неокOLONIALИЗМА и неOIMПЕРИАЛИЗМА в отношениях с малыми госу-

дарствами. Отличительной чертой внешней политики Турции являлся также абсолютный примат международного права.

На протяжении большей части первого десятилетия этого века правительство ПСР в Турции старалось придерживаться относительно миролюбивой внешней политики, избегая как прямого, так и косвенного участия в конфликтах, следуя логике «отжествления справедливости в международных отношениях с законностью»²⁴. Особенно рельефно эти подходы проявились во время парламентских слушаний по вопросу использования США турецкой территории для военного вторжения в Ирак. Вашингтон обратился к Турции как к стране-члену НАТО и многолетнему союзнику Запада в регионе с просьбой оказать содействие антитеррористической операции, предоставив возможность использовать расположенные на территории Турции военные базы, и санкционировать осуществление гуманитарной интервенции в Ирак с турецкой территории. Несмотря на договоренности, достигнутые на уровне политического руководства, 1 марта 2003 г. турецкий парламент заблокировал решение правительства, не одоблив предоставление американским военным турецких баз для вторжения в Ирак²⁵. Для Вашингтона такое развитие событий

²⁴ Cooper, Ilan; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

²⁵ Афронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правящей Партии справедливости и развития (ПСР), доминировавших в палате, с другой – протестом депутатов курдского происхождения, сочувствовавших иракским курдам и воздержавшихся от голосования. Кроме того, занимавший тогда пост госсекретаря Колин Пауэлл, по-видимому, считал вопрос о предоставлении турецких баз решенным и не видел необходимости в его лоббировании на уровне турецкого парламента. Конечно, свою роль сыграла и определенная неопытность тогдашнего премьер-министра Абуллаха Гюля, недооценившего значение голосов воздержавшихся депутатов. В итоге, законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на 5 голосов больше

стало крайне неприятной неожиданностью – «оглушительной оплеухой» от союзника по НАТО, как его поспешили окрестить мировые СМИ²⁶. При этом в глазах остального мира позиция Турции встретила одобрение, что позитивно отразилось на международном имидже страны особенно на Ближнем и Среднем Востоке. В Европе многие восприняли результат голосования в турецком парламенте как «показатель зрелости турецкой демократии» и преодоление наследия прошлой эпохи, характерными чертами которой были опека военной элиты над обществом и политической сферой и следование в фарватере американских интересов во внешней политике²⁷. Ведь решение парламента шло вразрез с позицией правящей ПСР, лидер которой – Р. Эрдоган – склонялся пойти на компромисс с США по Ираку, опасаясь открытой конфронтации с Вашингтоном. Стоит, однако, отметить, что накануне американского вторжения в Ирак Турция прилагала усилия по предотвращению силового сценария развития событий, инициировала серию конференций стран-соседей Ирака в Стамбуле²⁸.

В последующем на протяжении 2000-х гг. Анкара старалась придерживаться позиции неприятия силового решения международных конфликтов. Так, особенно резкое осуждение вызвали израильское вторжение в Ливан летом 2006 г. («Июльская война») и сектор Газа зимой 2008-2009 гг. (операция «Литой свинец») и летом 2014 г. (операция «Несокрушимая скала»). Осторожную критику встретил и вооруженный конфликт в Южной Осетии 2008 г., на который официальная Анкара отреагировала предложением

создания «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе». Резко негативно Анкара отреагировала на подавление массовых беспорядков в Урумчи 2009 г. Комментируя кровавые события в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе Китайской Народной Республики, Р. Эрдоган назвал действия китайских властей «почти что геноцидом», в результате которого погибло несколько сотен мирных граждан²⁹. Публичная критика Пекина сама по себе была примечательна, поскольку ранее официальные власти Турции воздерживались от резких высказываний в отношении Китая. Однако и в 2000-е гг. случались эпизоды, когда Анкара сдержанно реагировала на военное вмешательство третьих стран в решение международных и внутрисостоятельных конфликтов. Так, турецкое правительство достаточно пассивно отреагировало на военное вторжение в Сомали в 2006 г. со стороны Эфиопии, поддерживаемой США как в политическом, так и военно-стратегическом отношении. При этом сдержанная позиция Анкары «за мирное решение конфликта» выглядела особенно контрастно на фоне жестких заявлений Китая и России.

Помимо осуждения насилия в решении внутри- и межгосударственных конфликтов в 2000-е гг. турецкая дипломатия на разных площадках выступала против политики «государственного терроризма». И в этом смысле показательна маятниковая динамика отношений с Израилем. С одной стороны, Анкара признавала важность развития торгово-экономического и военно-технического сотрудничества с Тель-Авивом (в 1990-е гг. на израильском направлении были достигнуты ощутимые успехи), с другой, увязывала прогресс двухсторонних отношений с отказом Израиля от применения военной силы против палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа. При этом Турция была готова выступать посредником в палестино-израильском урегулировании и

²⁶ Filkins, Dexter. Threats and Responses: Ankara. Turkish Deputies Refuse to Accept American Troops // *New York Times*, 2/3/2003. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2003/03/02/world/threats-and-responses-ankara-turkish-deputies-refuse-to-accept-american-troops.html>

²⁷ Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005. S. 440-442.

²⁸ Balci, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // *Journal of South Asian and Middle Eastern*, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.

²⁹ Uygur katliamı! // *Milliyet*, 7/7/2009. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/dunya/uygur-katliami-1114854>; Rabia Kadir Türkiye'ye geliyor // *Milliyet*, 11/7/2009. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/dunya/rabia-kadir-turkiye-ye-geliyor-1116464>

налаживании отношений между Израилем и Сирией. Однако деградация мирного процесса, строительство заградительного барьера, отделяющего Израиль от Западного берега, а главное – израильское вторжение в сектор Газа зимой 2008-2009 гг. на фоне переговоров между Тель-Авивом и Дамаском, проходивших при посредничестве Турции³⁰, – все это отчетливо показало, что прежние партнерские и доверительные отношения Турции и Израиля остались в прошлом. Правительство ПСР обрушилось с резкой критикой милитаристской политики Израиля, а на Давосском форуме 2009 г. Реджеп Эрдоган публично обвинил израильского президента Шимона Переса в массовых убийствах мирных жителей и детей в Палестине. Инцидент с «Флотилией свободы» весной 2010 г., в результате которого погибло девять граждан Турции, а более 50 получили ранения³¹, стал точкой невозврата для Анкары и Тель-Авива, за которым последовал отзыв послов и официальное снижение уровня двухсторонних отношений.

Рост напряженности в отношениях с Израилем в 2000-е и первой половине 2010-х гг. в целом отражал понимание справедливого регионального порядка Турцией, которая последовательно поддерживала борьбу палестинцев за свои права и идею создания Палестинского государства, признало Хамас в качестве легитимной политической силы, резко критиковало строительство заградительного барьера на Западном берегу, признавало незаконным еврейские поселения в Восточном Иерусалиме и на Западном берегу, осуждало политику по разделению Иерусалима³².

Важным элементом построения справедливого регионального порядка для Турции в 2000-е гг. стало стремление найти позитивные решения застарелых проблем с соседними государствами. Это отразилось на отношениях с Грецией по «кипрскому вопросу» и на поисках путей примирения с Арменией. Правительство ПСР всецело поддержало разработанный в рамках ООН «план Кофи Аннана» по урегулированию кипрского конфликта и созданию Объединенной Кипрской Республики, состоящей из греческой и турецкой автономных частей. Несмотря на критику «плана Аннана» со стороны военной элиты и оппозиционных партий (план предполагал уменьшение территории турецкой части острова с 37%, которые занимает Турецкая Республика Северного Кипра, до 28,5%)³³. Эрдоган открыто агитировал за положительный исход референдума об объединении острова в 2004 г. Однако 65%-поддержка турок-киприотов не помогла реализации плана, отрицательное голосование греческой части населения Кипра (75% высказались против) похоронило идею объединения острова. Безрезультатной оказалась и инициатива восстановления дипломатических отношений с Арменией, несмотря на широкую поддержку со стороны турецких властей, встречи президентов Абдуллаха Гюля и Сержа Саркисяна, «футбольную дипломатию» и т. д. «Цюрихские протоколы», подписанные главами МИД двух стран в 2009 г., так и не были ратифицированы парламентами Турции и Армении³⁴.

of Foreign Affairs of the Republic of Turkey, At the United Nations Security Council Meeting on the Situation in the Middle East, Including the Palestinian Question, 11 May 2009, New York // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: http://www.mfa.gov.tr/statement-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-the-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-turkey_-at-the-united-nations-security-cou.en.mfa

³⁰ См.: Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. [Zvjagel'skaja, I. Blizhnevostochnyj klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii (The Middle East Clinch. Conflicts in the Middle East and Russia's Policies). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.]

³¹ The Mavi Marmara Case. Legal Actions Taken Against the Israeli Attack on the Gaza Freedom Flotilla on 31.05.2010. İHH İnsani Yardım Vakfı, 10 December 2012. Mode of access: <https://www.ihh.org.tr/en/publish/the-mavi-marmara-case>

³² Statement by H.E. Ahmet Davutoğlu, the Minister

³³ The Comprehensive Settlement of the Cyprus Problem (31 March 2004). Mode of access: http://www.hri.org/docs/annan/Annan_Plan_Text.html

³⁴ См.: Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58-77. [Shlykov, P.V. Evraziystvo i evrazijskaja

Неотъемлемой составляющей справедливого регионального порядка Турция считала обеспечение режима ядерного нераспространения на Ближнем Востоке и противодействие использованию биологического и химического оружия в региональных конфликтах. Как страна-член Договора о нераспространении ядерного оружия Турция в 2000-е гг. продвигала идею полной денуклеаризации Ближнего Востока, резко критиковала Израиль за наличие ядерного потенциала, угрожающего, по мнению Анкары, региональной безопасности и стабильности, и призывала Совет безопасности ООН провести полное ядерное разоружение всех стран без исключения.

На разных площадках турецкие политики убеждали мировое сообщество, что рост числа ядерных и пороговых держав увеличивает число стремящихся любой ценой войти в ядерный клуб и риски иррационального использования оружия массового уничтожения³⁵. В 2010 г. Турция совместно с Бразилией выступили с инициативой по решению Иранской ядерной проблемы путем отправки уранового топлива этой страны на обогащение за границу (обмен урана на обогащенное ядерное топливо предполагалось осуществлять на территории Турции)³⁶. Анкаре даже удалось убедить Тегеран согласиться на такую сделку³⁷, но США и европейские члены «шестерки» ее не поддержали. Тем не менее Турция продемонстрировала принципиальность своей по-

зиции по Ирану, выступив против введения новых санкций против него на голосовании в Совете безопасности ООН месяц спустя после провала трехсторонних договоренностей по ядерной программе³⁸.

Наряду с получившими широкое освещение в СМИ инициативами по Ирану в 2000-е гг. Турция достаточно часто брала на себя роль международного посредника в урегулировании региональных конфликтов в Ираке, Ливане, Афганистане, Пакистане, на Балканах и в Африке³⁹.

Помимо традиционной миротворческой деятельности, утвердившейся в качестве неотъемлемой части политики «гуманитарной дипломатии» Турции, в середине 2000-х гг. Анкара стала рассматривать возможности экстраполяции своего видения справедливого порядка с регионального уровня на глобальный. Так, в 2005 г. Реджеп Эрдоган вместе с премьером Испании Родригесом Сапатеро выступил с масштабной инициативой создания под эгидой ООН «Альянса цивилизаций» – международной организации, направленной на аккумуляцию усилий по противодействию экстремизму и налаживанию межнационального, межкультурного и межрелигиозного диалога. Особая миссия Альянса заключалась в налаживании межцивилизационного диалога и преодоление трений между Западом и исламским миром. Неслучайно само название новой ооновской структуры было своеобразным ответом на популярную книгу Самуэля Хантингтона «Столкновения цивилизаций», которая обрела вторую жизнь после терактов 11 сентября 2001 г. в США. Несмотря на прорывной характер самой инициативы и ее соответствие ключевым международно-политическим трендам сами методы работы Альянса оказались довольно традиционными – многочисленная конференция, межго-

integracija v politicheskoj ideologii i praktike Turcii [Eurasia and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey] // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 1, pp. 58-77.]

³⁵ Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

³⁶ Barrionuevo, Alexei; Arsu, Sebnem. Brazil and Turkey Near Nuclear Deal with Iran // *The New York Times*, 16/5/2010. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2010/05/17/world/middleeast/17iran.html>

³⁷ Iran Accepts Nuclear-fuel Swap Deal. Brazilian-brokered Deal Obliges Iran to Ship 1,200 kg of Low-enriched Uranium to Turkey // *Aljazeera*, 17/5/2014. Mode of access: <https://www.aljazeera.com/news/middleeast/2010/05/201051755444737189.html>

³⁸ Security Council Imposes Additional Sanctions on Iran, Voting 12 in Favour to 2 against, with 1 Abstention (Resolution 1929 on June 9, 2010) // UN Security Council, 9/6/2010. Mode of access: <https://www.un.org/press/en/2010/sc9948.doc.htm>

³⁹ Resolution of Conflicts and Mediation. Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/resolution-of-conflicts-and-mediation.en.mfa>

сударственные гуманитарные и культурно-образовательные проекты и т. д.⁴⁰ Наряду с «Альянсом цивилизаций» еще одним выражением стремления Турции выйти со своим видением справедливого миропорядка на глобальный уровень стало создание в 2010 г. в кооперации с Финляндией «Группы друзей мирного посредничества». За первые годы существования группа, деятельность которой целиком и полностью посвящена выработке механизмов мирного урегулирования конфликтов, смогла привлечь в свои ряды более 50 стран и 7 региональных и международных организаций⁴¹. Наконец, символом устремлений официальной Анкары к построению справедливого миропорядка стала формула-призыв к реформе ООН и расширению состава постоянных членов Совета безопасности ООН, озвученная на Генеральной ассамблее этой организации Реджепом Эрдоганом «Мир больше пяти»⁴², положившей начало одноименной общественной кампании в целом ряде стран по всему миру⁴³ и вошедшей в официальную доктрину МИД Турции⁴⁴.

Защита прав человека считалась универсальным компонентом справедливого порядка на региональном и глобальном уровне, поэтому правительство Турции в 2000-е гг. провозгласило принцип «защи-

ты прав человека» одним из краеугольных камней политики ПСР. Этот шаг стал следствием масштабных реформ по европеизации первой половины 2000-х гг., сыгравших определяющую роль во внедрении западных стандартов права и нормативных гарантий гражданских прав и свобод. В эти годы были приняты новый гражданский и уголовный кодексы, либерализован закон о прессе, расширены рамки гражданских прав и свобод, отменен режим чрезвычайного положения в Юго-Восточной Анатолии.

В результате этих реформ курды получили возможность изучать языки курманджи и заза, иметь курдские СМИ. Ограничения на создание и функционирование фондов-вакфов и ассоциаций были сведены к минимуму, были ликвидированы Государственные суды независимости, полномочия Совета национальной безопасности, обеспечивавшего политическую субъектность армии и военной элиты, были серьезно урезаны, введен усиленный контроль за расходованием военного бюджета, отменены дискриминационные нормы, касавшиеся имущества немусульманских вакфов, а религиозные меньшинства получили право владеть недвижимым имуществом и строить на своих землях культовые сооружения.

Самым примечательным нововведением 2000-х гг. стало установление примата международных норм по защите прав человека: положения соответствующих международных конвенций и соглашений, подписанных и ратифицированных Турцией, получили приоритет над нормами национального законодательства в сфере прав человека. Последующие законодательные нововведения еще больше расширили сферу гражданских прав и свобод, был создан специальный пост омбудсмена, к которому каждый мог обратиться с жалобой на работу органов государственной власти, а Конституционный суд стал принимать индивидуальные петиции по вопросам нарушения гражданских прав⁴⁵. Символом нового пони-

⁴⁰ Balcı, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406; Ardiç, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122; Bilgin, Pınar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

⁴¹ The Group of Friends of Mediation. UN Peacemaker. Mode of access: <https://peacemaker.un.org/friendsofmediation>

⁴² Dünya beş'ten büyüktür // *Milliyet*, 24/9/2013. Mode of access: <http://www.milliyet.com.tr/siyaset/dunya-besten-buyuktur-1767594>

⁴³ 'Dünya 5'ten Büyüktür' kampanya oldu // *Hürriyet*, 26/9/2014. Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/dunya/dunya-5-ten-buyuktur-kampanya-oldu-27276792>

⁴⁴ Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/dis-politika-genel.tr.mfa>

⁴⁵ Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

мания гражданских прав и демократии стал процесс мирного урегулирования «курдского вопроса», запущенный в 2012 г. и свернутый в 2015 г.

Новая этика внешней политики Турции в 2010-е гг.: секьюритизация гуманизма и «моральный реализм»

Вторая половина 2010-х гг. стала для Турции временем переосмысления целей внешней политики и методов ее осуществления. Функционально и доктринально внешняя политика Турции 2000-х гг. с ее акцентом на широкие возможности «мягкой силы» и доминантой либеральных ценностей, оформленных в концепцию «цивилизационной геополитики», оказались нерелевантны стремительно меняющейся международно-политической конъюнктуре.

Стагнация процесса вступления в ЕС, с одной стороны, и возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг., с другой стороны, сделала внешнеполитический курс Анкары более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, стремительные изменения которой незамедлительно требовали коррекции курса, а порой и серьезной ревизии внешнеполитических ориентиров и практик. Объявление войны мировому терроризму после терактов 11 сентября 2001 г. и формирование международной антитеррористической коалиции, мировой экономической кризис 2008 г., волна народных протестов «Арабской весны» в 2010-2011 г., появление ИГИЛ в 2014 г. – каждое из этих событий имело серьезные последствия для Турции, несло новые вызовы национальной безопасности и заставляло проводить «перезагрузку» внешней политики.

Очередная такая «перезагрузка» произошла в середине 2010-х гг., когда международно-политическая конъюнктура начала стремительно ухудшаться, а исходящие из региона негативные тенденции создали для Турции новые угрозы национальной безопасности. Разрастающийся миграционный кризис, вызванный гражданскими войнами, сопутствующими «арабской весне», спровоцировал наплыв нескольких мил-

лионов сирийских беженцев на территорию Турции (число только официально зарегистрированных на ноябрь 2019 г. превысило 3,8 млн⁴⁶). Следствием непрекращающегося военного противостояния с «Исламским государством» стал рекордный рост числа терактов в крупных турецких городах, жители которых стали ощущать себя на линии фронта. Эскалация кризиса национальной государственности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, выразившееся в коллапсе значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов; обостряющееся противостояние глобальных игроков за влияние на региональный порядок и свои геостратегические интересы на Ближнем Востоке; распространения новых форм политического насилия и расширение номенклатуры «опосредованных» военных конфликтов; колоссальный рост удельного веса межэтнических и межконфессиональных конфликтов в регионе – все эти составляющие нового регионального порядка на Ближнем Востоке требовали от Турции перераспределения внешнеполитических приоритетов.

В результате перед правительством ПСР встала трудноосуществимая задача: сохраняя прежний масштаб включенности в международно-политические процессы («уровень проактивности» в официальном лексиконе турецкой дипломатии) и не отказываясь от гуманистической составляющей внешней политики («гуманитарной дипломатии» с ее приматом защиты прав человека), перейти к широкому использованию «жесткой силы» как наиболее эффективному средству в борьбе с террористической угрозой и новыми вызовами национальной безопасности. Такое причудливое сочетание милитаризма и гуманизма во внешней политике в среде близких к власти турецких политологов получило название «морального реализма»⁴⁷, которое должно было подчеркнуть ее принципиальные отличия от концепции «наступательного

⁴⁶ UNHCR Syria Regional Refugee Response – Turkey // UNHCR Syria Regional Refugee Response. 14/11/2019. Mode of access: <https://data2.unhcr.org/en/situations/syria/location/113>

⁴⁷ AK Parti'nin 15 Yılı: Dış Politika. İstanbul: SETA, 2017.

реализма» Джона Миршаймера⁴⁸. Ее базовые составляющие – с одной стороны, колоссальное бремя в решении проблемы сирийских беженцев, которое взяла на себя Турция, с другой – все возрастающая включенность в силовое решение сирийского кризиса в форме участия в антитеррористической коалиции против «Исламского государства» и военных операциях против боевых организаций турецких и сирийских курдов.

При этом в официальной риторике функционеров правящей ПСР подчеркивалось, что ни одна другая страна, вовлеченная в решение «сирийского кризиса» (как внерегиональные державы – Россия и США, так и региональные – Иран, Саудовская Аравия и др.), не демонстрирует подобного «морального реализма» в своей политике. Таким образом, в условиях нарастающей глобальной нестабильности, когда трансформацию мирового порядка определяет противостояние глобальных игроков, а государства в своих внешнеполитических устремлениях руководствуются интересами, а не нормами международного права, турецкая политика «морального реализма» второй половины 2010-х гг. стала отражением нового понимания Турцией справедливого миропорядка и методов его построения на глобальном и региональном уровне⁴⁹.

Изменения глобального и регионального политического климата заставили правительство Турции пересмотреть свои взгляды на пределы и направления внешнеполитической активности. Если в 2000-е гг. турецкая «проактивность» имела многосторонний и многовекторный характер, отражающий глубокое вовлечение Турции в процессы глобализации, то во второй половине 2010-х гг. она приобрела селективный характер, а ее фокус сместился на конкретные регионы, приоритетное значение приобрели Ближний Восток и Африка.

Характер «проактивности» также изменился. В 2000-е гг. Турция опиралась на инструментарий «мягкой силы», ее стратегия утверждения в качестве регионального лидера предполагала наращивание своего влияния в экономической, духовно-культурной и гуманитарной сфере. Внушительные макроэкономические показатели вкуче с уникальным сочетанием приверженности исламским ценностям и светской демократической политической системы сделали Турцию объектом повышенного интереса и отчасти примером для подражания. Успехи Турции как модели демократического мусульманского государства, внушали определенный оптимизм в отношении будущего региона как внутри Турции, так и за ее пределами. Прогресс в диалоге с Брюсселем и проведении реформ европеизации в 2000-2004 гг. на короткое время заставили говорить о Турции как символе нового этапа в развитии евроинтеграции, который позволит усилить ее трансрегиональный и мультикультурный характер, позволит сделать ЕС «пост-территориальным сообществом» и т. д. Доказательством серьезных ожиданий на позитивный вклад Турции в развитие демократического глобального управления стала также и упоминавшаяся ранее турецко-испанская инициатива создания под эгидой ООН «Альянса цивилизаций».

Если в 2000-е гг. во всех сферах своей внешнеполитической деятельности Турция воспринималась как страна, уповающая на эффективность методов «мягкой силы», а ее роль в построении справедливого порядка, мира и безопасности на Ближнем Востоке рассматривалась в большинстве стран региона с воодушевлением⁵⁰, то в 2010-е гг.

⁴⁸ Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2001. Pp. 4-14.

⁴⁹ Aras, Bülent. *Turkish Foreign Policy after July 15*. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf

⁵⁰ Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. *The Perception of Turkey in the Middle East 2013*. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1mlar/2014/Perception2013-eng.pdf>; Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. *The Perception of Turkey in the Middle East 2011*. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf; Altunışık, Meliha Benli. *Turkey: Arab Perspectives*. Foreign Policy Analysis Series.

ситуация стала принципиально иной. С ростом политической напряженности внутри страны (массовые протесты лета 2013 г., коррупционные скандалы, антидемократические законодательные инициативы, преследование инакомыслящих, наконец, масштабные репрессии после путча 2016 г.) и нарастанием финансово-экономических проблем (снижение макроэкономических показателей, рост инфляции и безработицы, девальвация национальной валюты) потенциал прежнего инструментария «мягкой силы» Турции катастрофически снизился. При этом сама страна – как во времена «холодной войны» – все больше стала рассматриваться в качестве державы, уповающей на возможности «жесткой силы». Именно военно-политический потенциал Турции на региональном и глобальном уровне стал стрелковой составляющей внешней политики, как в двухсторонних, так и многосторонних форматах. Участие Турции в решении ключевых региональных проблем – от борьбы с ИГИЛ и урегулирования миграционного кризиса до вопроса границ и преодоления кризиса государственности – стало восприниматься практически исключительно исходя из ее военно-политических возможностей, а отнюдь не в категориях ее потенциала в сфере экономики, культуры, опыта демократизации и т. д. Таким образом, из страны, реализующей свое видение справедливого регионального порядка с помощью «мягкой силы», Турция превратилась в «буферную территорию», основная миссия которой заключается в сдерживании Исламского государства, миграционных потоков и экспансии других региональных держав (прежде всего, Ирана) и т. д.

Доминанта гуманитарной дипломатии и «мягкой силы» сменилась тенденцией милитаризации внешней политики – проектами развертывания военных баз на Ближнем Востоке, в Африке, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Идеи мультилатерализма и альянса цивилизаций оказались вытеснены стратегией построения военно-

политических союзов. Отчасти такой поворот во внешнеполитическом курсе стал ответом на обострившееся противостояние глобальных игроков за влияние на региональный порядок и свои геостратегические интересы на Ближнем Востоке и рост конкуренции за лидерство между региональными державами. В следствие этого один из главных внешнеполитических принципов императивов 2000-х гг. «обнуления проблем с соседями» в 2010-е гг. уступил место политике «завоевания союзников». Весной 2016 г. Бинали Йылдырым, сменивший на посту премьер-министра Ахмета Давутоглу, прямо заявил, что главная внешнеполитическая задача нового правительства – «восстановление отношений со старыми друзьями и обретение новых»⁵¹. Последующие 2016 и 2017 гг. в турецкой внешней политике прошли под знаком поиска возможностей для нормализации отношений с Россией, Израилем⁵², странами Персидского залива и даже налаживания диалога с пришедшей к власти в США администрацией президента Дональда Трампа.

Переосмысление принципов «цивилизационной геополитики» и смещение основного фокуса внешнеполитической активности на проблемы безопасности (вопросы экономики, культурно-идеологического доминирования отошли на второй план) рельефно проявились в подходах Турции к урегулированию сирийского конфликта. Подтверждением усиления идей реализма во внешнеполитическом дискурсе Турции стали военные операции на территории Сирии – «Щит Евфрата» (2016-2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), а также переход к стратегии избирательной внешнеполитической активности во второй половине 2010-х гг. («необходимости правильного стратегического выбора для достижения поставленных целей»⁵³), которая

⁵¹ Başbakan Yıldırım'dan yeni dış politika sinyali! // *Akşam*, 16/6/2016

⁵² Шлыков П.В. Зачем Турция мирится с Россией и Израилем / Московский Центр Карнеги – Carnegie.ru, 30/6/2016. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/63971>

⁵³ Başbakan Binali Yıldırım: Dostlarını artıran düşmanlarını azaltan bir dış politika anlayışını güçlendireceğiz // *Hürriyet*, 16/06/2016. Mode

11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf

резко контрастировала с многовекторной политикой 2000-х гг.

* * *

Стремительная трансформация Ближнего Востока, выразившаяся в обострении конкуренции за влияние между глобальными и региональными державами, кризисе национальной государственности вкупе с коллапсом значительного числа казавшихся относительно устойчивыми политических режимов, распространении гибридных военных конфликтов главным своим следствием имело крушение прежнего регионального баланса сил. Став ареной масштабной активности транснациональных террористических организаций, Ближний Восток ко второму десятилетию этого века закрепил за собой определение «региона, где нет никакого регионального порядка»⁵⁴, и региона, текущее кризисное состояние которого продуцирует тенденции дестабилизации вовне. В результате, Ближний Восток оказался расчерчен подвижными линиями конфликтного противостояния и поделен на «зоны влияния» глобальных и региональных игроков и постоянно изменяющиеся «зоны войны». Имманентно присущая региону на протяжении всей его новейшей истории полицентричность в начале этого века имела своей главной производной полифонию разных видений и моделей регионального порядка, которых придерживались региональные державы и глобальные игроки, глубоко погружившиеся в ближневосточные дела. Главный парадокс такой ситуации заключался в том, что ни у одной из держав не хватало военно-политического и культурно-идеологического потенциала, чтобы реализовать свое видение регионального порядка или навязать его другим.

Турция, несмотря на свое трансрегиональное геополитическое положение вкупе с множественной региональной идентичностью, определяющие ее более гибкую

внешнеполитическую ориентацию⁵⁵, что, по мнению турецких политиков, должно было стать залогом успеха в выполнении функции регионального лидера, не смогла стать для Ближнего Востока отправной точкой в построении справедливого регионального порядка. Возрастающая включенность Турции в глобальные и региональные процессы в 2000-е гг. сделала внешнеполитический курс Анкары гораздо более подверженным влиянию мировой и региональной конъюнктуры, стремительные изменения которой незамедлительно требовали коррекции курса, а порой серьезной и быстрой ревизии внешнеполитических ориентиров и практик. Объявление войны мировому терроризму после терактов 11 сентября 2001 г. и формирование международной антитеррористической коалиции, мировой экономической кризис 2008 г., волна народных протестов «Арабской весны» в 2010-2011 г., появление ИГИЛ в 2014 г. – каждое из этих событий имело серьезные последствия для Турции, несло новые вызовы национальной безопасности и заставляло проводить «перезагрузку» внешней политики государства, которое еще совсем недавно активно стремилось сочетать в своем внутривосточном и внешнеполитическом курсе исламские ценности и либеральные практики.

Исходя из этого посыла в 2000-е гг. Турция считала оптимальной модель регионального порядка, которая могла бы обеспечить такую ценностную конвергенцию на практике. Концепция «обнуления проблем» с соседями, и успех в налаживании отношений практически со всеми арабскими странами при сохранении партнерства с Израилем и налаживании диалога с Ираном предполагала инклюзивный региональный порядок, базирующийся на принципах уважения к государственному суверенитету, нормам международного права, верховенстве закона и распространении демократии. Такой порядок предполагал существенное расширение возможностей развития взаимовыгодного

of access: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/basbakan-binali-yildirim-dostlarini-artirandusmanlarini-azaltan-bir-dis-politika-anlayisini-guclendirecegiz-40118547>;

⁵⁴ Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

⁵⁵ Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cuspness. In *The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations*. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.

экономического сотрудничества, расширения торгово-экономических отношений, перекрестного инвестиционного партнерства, то есть должен был стать своего рода исламским или ближневосточным вариантом либерального миропорядка. Однако с началом «арабской весны» возможности Турции в построении такого порядка и продуцировании его ценностных ориентаций стали стремительно сокращаться. И если в первые месяцы арабских революций в Анкаре еще испытывали некоторые иллюзии в отношении реальности продолжения прежнего регионального курса, символом чего было знаменитое ближневосточное турне Эрдогана, посетившего Египет и Тунис и встреча Давутоглу с Башаром Асадом, то с разрастанием гражданской войны в Сирии, победным шествием ИГИЛ и военным переворотом в Египте необратимость негативной трансформации региона стала очевидной. Результатом реакции на эти события стала «перезагрузка» внешней политики Турции в духе нового турецкого концепта «морального реализма». Снижение потенциала «мягкой силы» вернуло к жизни характерное для периода «холодной войны» упование на инструментарий «жесткой силы» и способствовало общей милитаризации внешней политики.

Литература:

- Бабынина Л.О. и др. Европейский Союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность. Под общей редакцией Ал.А. Громыко и М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015.
- Барановский В.Г., Наумки В.В. и др. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М.: ИВ РАН, 2018.
- Гринин Л.Е., Исаев Л.М., Коротаев А.В. Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: «Учитель», 2015.
- Звягельская И. Ближневосточный клинч: Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014.
- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007.
- Наумки В.В., Попов В.В., Кузнецов В.А. и др. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012.
- Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58-77.
- Шлыков П.В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. 2013. № 1. С. 58-75.
- Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf
- Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2013. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1lar/2014/Perception2013-eng.pdf>
- Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cusps. In The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.
- Altunışık, Meliha Benli. Turkey: Arab Perspectives. Foreign Policy Analysis Series. 11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf
- Aras, Bülent. Turkish Foreign Policy after July 15. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf
- Ardıç, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // Insight Turkey, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122.
- Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.
- Balcı, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // Turkish Studies, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406.
- Balcı, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // Journal of South Asian and Middle Eastern, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.
- Barkey, Henry. The Silent Victor: Turkey's Role in the Gulf War. In The Iran-Iraq War: Impact and Implications. Ed. by Efraim Karsh. London: Palgrave Macmillan, 1989. Pp. 133-153.

Bilgin, Pınar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005.

Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

Brown, Leon Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Çalış, Şaban Halis. Turkey's Cold War: Foreign Policy and Western Alignment in the Modern Republic. London: I.B. Tauris, 2016.

Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015.

Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

Cooper, Ilan; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

Donat, Yavuz. Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat. İstanbul: Bilgi, 1999.

Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

Erbakan, Necmettin. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Erbakan, Necmettin. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program. Ankara, Temmuz, 1991. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/page.php?act=haberGoster&haberID=2078&name=turkiye-39-nin-temel-meseleleri>

Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

Hinnebusch, Raymond A. The International Politics of the Middle East. New York: Manchester University Press, 2003.

Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

Oğuzlu, Tarık. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

Sayarı, Sabri. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol.3, No.3, pp. 35-43. Mode of access: <https://www.meforum.org/314/turkeys-islamist-challenge>

Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

References:

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2011. Ankara: TESEV, 2012. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf

Akgün, Mensur; Gündoğar, Sabiha Senyücel. The Perception of Turkey in the Middle East 2013. Ankara: TESEV, 2014. Mode of access: <http://www.fes-tuerkei.org/media/pdf/Publikationen%20Archiv/Ortak%20Yay%C4%B1nlar/2014/Perception2013-eng.pdf>

Altunışık, Meliha Benli. Geopolitical Representation of Turkey's Cusps. In *The Role, Position and Agency of Cusp States in International Relations*. Edited by Marc Herzog, Philip Robins. London: Routledge, 2014. Pp. 25-42.

Altunışık, Meliha Benli. Turkey: Arab Perspectives. Foreign Policy Analysis Series. 11. Ankara: TESEV, 2010. Mode of access: https://www.tesev.org.tr/wp-content/uploads/report_Turkey_Arab_Perspectives.pdf

Aras, Bülent. Turkish Foreign Policy after July 15. İstanbul: İstanbul Policy Center, 2017. Mode of access: https://ipc.sabanciuniv.edu/wp-content/uploads/2017/02/Turkish-Foreign-Policy-After-July-15_Bulent-Aras.pdf

Ardıç, Nurullah. Civilizational Discourse, the 'Alliance of Civilizations' and Turkish Foreign Policy // *Insight Turkey*, 2014, Vol. 16, No. 3, pp. 101-122.

Babynina, L.O. et al. Evropejskij Sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost' (European Union in Search for Global Role: Policy, Economy, Security). Moscow: Ves'mir, 2015.

Bağcı, Hüseyin; Bal, Idris. Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era: New Problems and Opportunities // *Turkish Foreign Policy in Post-Cold War Era*. Ed. by Idris Bal. Boca Raton: Brown Walker Press, 2004. Pp. 97-118.

Balcı, Ali; Miş, Nebi. Turkey's Role in the Alliance of Civilizations: A New Perspective in Turkish Foreign Policy? // *Turkish Studies*, 2008, Vol. 9, No. 3, pp. 387-406.

Balcı, Ali; Yeşiltaş, Murat. Turkey's New Middle East Policy: The Case of the Meeting of the Foreign Ministers of Iraq's Neighboring Countries // *Journal of South Asian and Middle Eastern*, 2006, Vol. 29, No. 4, pp. 18-37.

Baranovskij, V.G., Naumkin V.V. Blizhnij Vostok v menjajushemsja global'nom kontekste (The Middle East in the Changing Global Context). Moscow: IV RAN, 2018.

Barkey, Henry. The Silent Victor: Turkey's Role in the Gulf War. In *The Iran-Iraq War: Impact and Implications*. Ed. by Efraim Karsh. London: Palgrave Macmillan, 1989. Pp. 133-153.

Bilgin, Pınar. Dialogue of Civilisations: A Critical Security Studies Perspective // *Perceptions*, 2014, Vol. 19, No. 1, pp. 9-24.

Birand, Mehmet Ali. Türkiye'nin Büyük Avrupa Kavgası 1959-2004. İstanbul: Doğan Kitapçılık, 2005.

Bromley, S. From Tributary Empires to States System / Rethinking Middle East Politics. Austin: University of Texas Press, 1994. Pp. 46-52.

Brown, Leon Carl. International Politics and the Middle East: Old Rules, Dangerous Game. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Çalış, Şaban Halis. Turkey's Cold War: Foreign Policy and Western Alignment in the Modern Republic. London: I.B. Tauris, 2016.

Cammet, Melani; Diwan, Ishac; Richards, Alan; Waterbury, John. A Political Economy of the Middle East. Boulder: Westview Press, 2015.

Çetin, Selvet. 10 Yıllık Reform Döneminde İnsan Hakları: Gelişmeler ve Beklentiler. SDE – Stratejik Düşünce Enstitüsü. SDE Analysis, Ocak 2013. Mode of access: <http://www.sde.org.tr/Files/Others/84affc65be5cc6a3.pdf>

Cooper, Ilan; Patterson, Eric. UN Authority and the Morality of Force // *Survival*, 2011, Vol. 53, No. 6, pp. 141-158.

Donat, Yavuz. Öncesi ve Sonrasıyla 28 Şubat. İstanbul: Bilgi, 1999.

Erbakan, Necmettin. 21 Soru 21 Cevap. Ankara: Refah Partisi, 1992, 10. Soru. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/haberler/21-soru-21-cevab.html>

Erbakan, Necmettin. Adil Ekonomik Düzen. Ankara: Refah Partisi, 1991, s. 94. Mode of access: <https://acikerisim.tbmm.gov.tr/xmlui/bitstream/handle/11543/2631/199601001.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Erbakan, Necmettin. Türkiye'nin Meseleleri ve Çözümleri: Program. Ankara, Temmuz, 1991. Mode of access: <http://www.necmettinerbakan.net/page.php?act=haberGoster&haberID=2078&name=turkiye-39-nin-temel-meseleleri>

Finnemore, Martha; Sikkink Kathryn. International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*, 1998, Vol. 52, No. 4, pp. 887-917.

Glennon, Michael J. Pre-empting Proliferation: International Law, Morality, and Nuclear Weapons // *The European Journal of International Law*, 2013, Vol. 24, No. 1, pp. 109-127.

Grinin, L.E.; Isaev, L.M.; Korotaev, A.V. Revoljucii i nestabil'nost' na Blizhnem Vostoke (Revolutions and Instability in the Middle East). Moscow: «Uchitel'», 2015.

Hinnebusch, Raymond A. The International Politics of the Middle East. New York: Manchester University Press, 2003.

Kireev, N.G. Istoriia Turtsii. XX vek. (History of Turkey in the 20th Century) Moscow: IV RAN, Kraft+, 2007.

Mearsheimer, John J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, 2001.

Naumkin, V.V.; Popov, V.V.; Kuznetsov, V.A. et al. Blizhnij Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossija: chto dal'she? (The Middle East, the Arab Awakening and Russia: What comes Next?). Moscow: IV RAN, 2012.

Oğuzlu, Tarık. Soft Power in Turkish Foreign Policy // *Australian Journal of International Affairs*, 2007, Vol. 61, No. 1, pp. 81-97.

Salem, Paul. The Middle East's Troubled Relationship with the Liberal International Order // *The International Spectator*, 2018, Vol. 53, No. 1, pp. 122-137, 133.

Sayarı, Sabrı. Turkey's Islamist Challenge // *Middle East Quarterly*, 1996, Vol.3, No.3, pp. 35-43. Mode of access: <https://www.meforum.org/314/turkeys-islamist-challenge>

Shlykov, P.V. Evrazijstvo i evrazijskaja integracija v politicheskoj ideologii i praktike Turcii [Eurasia and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey] // *Comparative Politics Russia*, 2017, No. 1, pp. 58-77.

Shlykov, P.V. Kuda Idet Turciya: Metamorfozy Prozapadnogo Kursa Razvitiya [Where is Turkey Heading for? Metamorphoses of Pro-Western Course of Development] // *Contemporary Europe*, 2013, No. 1, pp. 58-75.

Yıldız, Ahmet. Politico-Religious Discourse of Political Islam in Turkey: The Parties of National Outlook // *The Muslim World*, 2003, Vol. 93, No. 2, pp. 187-209.

Zvjagel'skaja, I. Blizhnnevostochnyj klinch: Konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii (The Middle East Clinch. Conflicts in the Middle East and Russia's Policies). Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014.

DISCUSSIONS ON THE JUST WORLD ORDER IN TURKEY: COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND FOREIGN POLICY PRACTICES OF THEIR IMPLEMENTATION IN THE 2000's

Pavel V. Shlykov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Declared:</i> 25.11.2018 <i>Received:</i> 25.11.2019 <i>Accepted:</i> 04.12.2019	Abstract: The international transformations, which the Middle East faced in the 20th and early 21st centuries, virtually made it a region without any regional order. Polycentric structural organization, an intrinsic feature of the Middle East, has resulted in multiple visions of regional order generated by regional powers and global actors actively involved in the regional affairs. Paradoxically, however, none of these powers had enough military, political, cultural or ideological potential to implement its vision and impose it on others. Against this background Turkey's foreign policy strategy had significantly changed at the turn of the centuries. In the later 1990s Turkey was still a status quo power, dependent on its relations with the West and adherent to the principles of non-interference in the regional affairs. However, its rising involvement in global and regional affairs in the first decade of this century made Ankara's foreign policy much more liable to international and regional developments. In addition, the advent to power of the Justice and Development Party added a strong Islamic element to its domestic and foreign policy discourse. As a result during the first decade of this century Turkey undertook an effort to propose its own version of regional order based on the convergence of liberal and Islamic values. The Arab Spring and a new wave of regional destabilization however seriously limited Turkey's ability to do it. Reacting to the regional turbulence Turkey has reset its foreign policy appealing to the concept of "moral realism", an intricate combination of humanitarianism and militarism being its core part. <i>Acknowledgements: the article was supported by the RSF grant "Problems and Prospects of the International Political Transformation of the Middle East in the Context of Regional and Global Threats", project No. 17-18-01614</i>
About the author: Candidate of History, Associate Professor, Middle East History Department, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University e-mail: shlykov@iaas.msu.ru	
Key words: Middle East; Turkey; regional order; moral realism; just world; foreign policy; inter-civilizational dialogue	

Для цитирования: Шлыков П.В. Дискуссии о справедливом миропорядке в Турции: сравнительный анализ концепций и попыток их реализации в 2000-е годы // *Сравнительная политика*. – 2019. – №4 – С. 34-51.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10040

For citation: Shlykov, Pavel V. Diskussii o spravedlivom miroporyadke v Turtsii: sravnitel'nyy analiz kontseptsii i popytok ikh realizatsii v 2000-ye gody (Discussions on the Just World Order in Turkey: Comparative Analysis of Concepts and Foreign Policy Practices of Their Implementation in the 2000's) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 4, pp. 34-51.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10040